Глава 12: Гнев из-за красивой женщины

«Эту шкатулку давно следовала отдать ванфэй, но в ажиотаже перед свадьбой о ней забыли», - ши Лян передала шкатулку Му Цзинь. Увидев, что Цюй Цин Цзюй берёт шкатулку из рук Му Цзинь, ши Лян продолжила глухим голосом: «Я хранила её у себя годами, дожидаясь подходящего дня, чтобы отдать её»

Шкатулка пурпурного цвета из сандала выглядела старой, но она до сих пор издавала слабый запах, стоило её подержать в руках. Золотой замок был сделан в виде облака, и уже был открыт. Цюй Цин Цзюй нужно было только поднять крышку, чтобы увидеть, что внутри.

Её рука, открывшая крышку, на секунду замерла. В глубине души она чувствовала сильное стремление этого тела к шкатулке. Она ощущала ненависть и беспомощность отвергнутой и беспомощной маленькой девочки.

Цюй Цин Цзюй медленно открыла шкатулку. Внутри была разложена прекрасного качества ткань, а сверху лежал единственная нефритовая подвеска. Пять кусочков нефрита, которые по цвету напоминали бараний жир, были исполнены в виде тыкв. По форме они напоминали орехи, но изящная резьба превратила их в тыквы. На них были вырезаны слова: «Живи сто лет». Сердце Цюй Цин Цзюй забилось сильнее, и давно забытые воспоминания предстали перед ней, как сцены в фильме. Изначальная Цюй Ций Цзюй всегда хотела получить эти нефритовые тыквы от ши Лян, но ши Лян специально прятала их от неё. Теперь же она по своей собственной инициативе передаёт их ей и пытается выставить себя хорошим человеком в глазах окружающих. Скорее всего, она боится, что Цюй Цин Цзюй ополчится на неё в будущем.

«Цзецзе велела изготовить эти нефритовые тыквы очень рано в том году, но цзецзе умерла. Нефритовая лавка в спешке отослала подвеску мне, - глаза ши Лян покраснели, когда она говорила. - Цзецзе умерла очень молодой, и её единственной заботой были вы, ванфэй. В прошлом я беспокоилась, что ванфэй, будучи слишком юной, потеряет то, что цзецзе оставила ей, так что я сохранила украшение для неё. Теперь же ванфэй выросла, и эти нефритовые тыквы поступают в распоряжение ванфэй, - она осмотрела Цюй Цин Цзюй с головы до ног, и печально сказала, - должно быть, цзецзе на небесах счастлива видеть, кем стала ванфэй».

Цюй Цин Цзюй достала из шкатулки подвеску в виде тыкв. Она была тёплой и гладкой. Поскольку кусочки нефрита были сделаны маленькими, они были очень лёгкими. Можно было понять, что ши Тянь хотела в деть празднования ста дней Цюй Цин Цзюй положить эту подвеску на её крошечное тело.

Среди дворянства было принято устраивать праздник в честь достижения ребёнком возраста в сто дней. В этот день старшие лично клали на тело ребёнка амулеты, которые должны были помочь ему прожить длинную жизнь. Большинство этих амулетов было сделано в виде магических облаков, орехов и других вещей, которые должны были принести благую удачи, и на них обычно вырезали слова: «Живи до ста лет». Это символизировала запирание жизни ребёнка и того, что боги защитят этого ребёнка и помогут дожить до ста лет.

Ши Тянь умерла очень молодой, и всякая любовь матери к своему ребёнку достойна сострадания. Слухи снаружи фу говорили, что она заболела из-за гнева, но разве за женщина, которая в самом конце жизни заказывает для ребёнка нефритовые тыквы, окажется такой слабой, что умрёт от гнева? Матери становятся сильнее, когда им нужно защищать своего ребёнка. Ши Тянь не того сорта человек, чтобы отдаться печали, разве она не волновалась о своей новорождённой дочери и так разозлилась, что умерла?

«Когда я была совсем маленькой, я слышала, как мама Гао говорила, что незадолго до моего рождения мать заказала нефритовую подвеску в виде тыкв на мои сто дней. Но, к сожалению, десять лет назад мама уволила мама Гао и с тех пор я ни разу, даже краем глаза не видела этих нефритовых тыкв, которые упомянула мама. Я и не думала, что мать будет хранить их для меня всё это время», - Цюй Цин Цзюй сжала руку, в которой держала тыквы. На глазах у всех присутствующих женщин она надела подвеску с тыквами себе на шею, а её глаза покраснели: «Как дочь, я обеспокоила свою мать беременностью в течение десяти месяцев. Но даже на смертном одре она заботилась обо мне. Я не могу ответить взаимностью, и этим я не выполняю свой дочерний долг». В прошлой жизни её родители рано погибли в автокатастрофе, но до своего последнего вздоха они думали о ней. Когда она смотрела на нефритовую тыквенную подвеску, она почувствовала, как сердце у неё сжалось, а люди их этого Чан Дэ Гун Фу вызывали такое отвращение, что её бы стошнило, если бы она должна была продолжать смотреть на них.

«Ванфэй», - увидев, что происходит, Му Цзинь с тревогой посмотрела на Цюй Цин Цзюй, но она была служанкой и не могла открыто ей помочь.

«Когда ребёнок хочет показать дочернюю любовь, а родителя нет...», - Цюй Цин Цзюй стояла, глядя на улыбающуюся ши Лян. Постепенно эмоции на лице Цюй Цин Цзюй увяли и выражение стало спокойным: «Цин Цзюй никогда не забудет заботу, которую мать проявила к Цин Цзюй. В будущем Цин Цзюй обязательно вернёт всю ту доброту, которая мать подарила ей в прошлом».

Цюй лао тайтай чувствовала себя неспокойно всё это время, и, когда Цюй Цин Цзюй заговорила так прямо, она не смогла удержать добродушное выражение на лице. Она хотела что-нибудь сказать, чтобы снять напряжение, но так и не нашла подходящего момента.

«Сегодня день рождения отца, и должна бы остаться подольше. Но в ван фу есть множество вещей, которыми я должна заняться, так что мне придётся покинуть вас», - Цюй Цин Цзюй слегка поклонилась Цюй лао тайтай: «Эта внучка прощается. Фужэнь, мы ещё увидимся».

Все видели, что на лице Дуань Ван Фэй ничего не отразилось, но они не стали упрашивать её остаться. Ши Лян, мачеха, творила такие неприглядные вещи, что Дуань Ван Фэй не могла их больше выдерживать. Не только Дуань Ван Фэй, но любой ребёнок в мире, столкнувшись с подобным, не мог бы это выдержать.

Цюй лао тайтай не могла больше сидеть и только встала, чтобы лично проводить Цюй Цин Цзюй. Дуань Ван Фэй, чья мать рано умерла, на банкете в честь дня рождения её отца не осталась посмотреть на пьесу, но уехала с красными глазами. Если это дойдёт до чужих ушей, разве удастся Чан Дэ Гун Фу сохранить свою репутацию?

Все остальные также поднялись, чтобы проводить её, но когда они достигли внешней залы, Цюй Цин Цзюй остановила их. На её белом лице держалась улыбка: «Всем фужэнь не нужно быть столько учтивыми, я всех приглашу к себе на встречу в другой раз».

Все согласились. Цюй лао тайтай всё ещё хотела пройти немного дальше, что Цюй Цин Цзюй остановила и её. Она с улыбкой сказала: «Бабушка состарилась, и мы не можем позволить ей провожать свою внучку, иначе внучка не выразит свою дочернюю почтительность». Закончив, она сказала Му Цзинь, которая её сопровождала: «Пошлите кого-нибудь к ван е, и скажите, что я первая возвращаюсь домой».

Цюй лао тайтай не оставалось ничего другого, как наблюдать уходом Цюй Цин Цзюй. Она

повернулась и холодно посмотрела на ши Лян, и впервые за всё время взяла за руку шу дочь Цюй Хуэй Сюэ, чтобы вернуться обратно к помосту, на котором ставили пьесу. Обычные люди говорят: «Жениться на женщине это жениться на добродетели». Герцог Чан Дэ, женившись на ши Лян, рано или поздно потеряет всё.

После того, как Цюй Цин Цзюй ушла, большинство тех, кто решили прийти на банкет из-за семьи Дуань Ван Фу, поднялись и попрощались. Больше половины гостий покинули поместье меньше, чем за час.

На мужской половине дома Хэ Хэнг, как ван е, сел на почетное место. Рядом с ним сидел Цюй Ван Чжи. Хэ Хэнг не был заинтересован в том, чтобы относится с уважением к другим, так что он не обращал ни на кого внимания. Но не смотря на это множество людей подходило, чтобы выказать своё почтение в попытках снискать внимание и благоволение ван е.

Первый акт «Магу дарует поздравления на день рождения» ещё не закончился, когда Цянь Чан Синь подошел к Дуань Ваню и сказал несколько слов. Цюй Ван Чжи, который сидел за Дуань Ваном, едва расслышал «ванфэй».

«Что!?» - Дуань Ван слегка нахмурил брови. Его дружелюбная вежливая улыбка застыла на его лице. Он с такой силой поставил чайную чашку на стол, что она хрустнула.

Герцог Чан Дэ, который очень внимательно следил за той стороной, где сидел ван е, почувствовал, что его сердце пропустило удар. Он не знал, что разозлило почётного гостя. Окружающие сделали вид, будто ничего не произошло и они просто поглядывали на Дуань Вана.

«То, как принимают гостей в Чан Дэ Гун Фу, воистину раздвинуло горизонты бень вана, - Дуань Ван бесстрастно улыбнулся, вставая, - Цянь Чан Синь, мы уходим».

«Ван е, это...» - герцог Чан Дэ понял, что всё пошло совсем не так и быстро подошел, чтобы принести свои извинения. Но Хэ Хэнг даже не взглянул на него, и лишь холодно сказал: «Бень ван пришел сегодня вместе с ванфэй, и заранее знал, что герцог Чан Дэ очень сильно любит свою жену, и эта любовь взаимна. Но жена бень вана, ванфэй, всё ещё ди дочь герцога. Если в этом фу с ней так обращаются, значит ли это, что на Дуань Ван Фу смотрят свысока?» - закончив, он не дождался ответа до герцога Чан Дэ и удалился.

Дажэнь, которые при всё этом присутствовали, выдержали паузу перед тем, как сумели что-то ответить. Многие из них слышали о том, что тогда случилось в Чан Дэ Гун Фу, но они все были мужчинами и обычно не обращали внимания на такие вещи. Но они не думали, что люди Чан Дэ Гун Фу выставят себя на посмешище. Не важно, как на самом в этом фу деле слуги обращались с дочерью умершей ши Тянь, но теперь она стала Дуань Ван Фэй. Нагрубить ей означало нагрубить Дуань Вану. Это было всё равно, что надавать пощечин самому Дуань Вану.

Не смотря на то, что Дуань Ван был более благожелателен, чем Жуй Ван, он не будет терпеть непочтительность. Кажется, что семья этого Чан Дэ Гун Фу становится всё глупее и глупее. Все встали и попрощались, не обращая внимания на ужасное выражение лица герцога Чан Дэ. Если он разозлил ван е настолько, что тот ушел, почему они должны остаться? Или они должны сказать Дуань Вану, что вы, ван е, идите и злитесь в одиночестве, а мы настолько хорошие друзья герцога Чан Дэ, что останемся с ним, чтобы пить чай и смотреть пьесу?

Герцог Чан Дэ был глуп, но они сами — не были. В такой ситуации лучше всего уйти пораньше. Им было жаль, что чета Дуань Ванов пришла, чтобы посетить праздник, но была спровоцирована тупыми людьми на то, чтобы уйти раньше.

Многолюдный банкет в честь дня рождения в мгновение ока опустел, и всё кругом затихло. Герцог Чан Дэ швырнул чашку, которую держал в руках, на пол. Когда до него донеслись голоса со сцены, он почувствовал прилив гнева и закричал: «Почему вы до сих пор поёте? Проваливайте!»

«Отец, - Цюй Ван Чжи с волнением поддержал его, - не злитесь, подумайте о своём теле».

«Мне не нужно тело! - Герцог не мог толкнуть своего единственного сына, так что он швырнул на пол ещё одну чашку. - Иди, спроси у своей матери, что случилось и почему разозлился Дуань Ван?»

Цюй Ван Чжи посмотрел на слуг, которые стояли вокруг и понял, что это было неправильным со стороны отца упоминать его мать, так что он продолжал настаивать: «В такое время бабушка и мама, должно быть, в хоуюане. Мы можем пойти и спросить вместе».

Лян Жун, который видел, как гости уходят, также подошел к герцогу и присоединился к Цюй Ван Чжи в своих уговорах: «Мы не знаем, что случилось, дядя, не злитесь, пожалуйста. После того, как мы узнаем, что именно произошло, мы сможем ответить, будет ещё не поздно».

Герцог Чан Дэ смог усмирить свой гнев и с пепельным лицом пошел в хоуюуань.

Когда Хэ Хэнг пошел в повозку, он увидел, что глаза ванфэй слегка красные и она была крайне несчастна. Гнев, который он подавил, снова в нём поднялся: «Ванфэй, кто обидел тебя, скажи бень вану, и бень ван поможет тебе отомстить».

Цюй Цин Цзюй подняла голову и посмотрела на него. Она видела, что гнев в его глазах неподдельный, и сказала: «Никто не может обидеть Дуань Ван Фэй, это просто грусть из-за нахлынувших воспоминаний о прошлом».

«Я сопровождал тебя сегодня, чтобы поддержать тебя. Тебе нечего стыдиться, - подумав, Хэ Хэнг добавил, - не только сегодня, но в будущем тоже ты не должна склоняться ни перед кем, кроме нескольких персон во дворце». Закончив, он увидел, что на шее Цюй Цин Цзюй — новое украшение из хорошего нефрита в виде тыкв, и пригляделся к нему ещё раз.

«Неужели ван е не боится, что це будет слишком заносчивой в своих поступках в будущем и разрушит репутацию Дуань Ван Фу?» - Цюй Цин Цзюй коснулась нефритовых тыкв на своей груди и тёплое чувство, которое разлилось по ней, заставило её улыбнуться.

«Ванфэй не настолько невежественна, - Хэ Хэнг отвел свой взгляд и счастливо улыбнулся. - Более того, если заносчивой станешь ты, Цин Цзюй, это не нанесёт вреда».

Их глаза встретились. Цюй Цин Цзюй медленно отвела свой взгляд, а на её лице появилась тёплая улыбка.

Кто поверит этим словам?

(1) Дажэнь - взрослый; обычно этот термин относится к тем, кто обладает определённым статусом.

http://tl.rulate.ru/book/2684/73793